

НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ ПРАВА КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА В КОНТЕКСТЕ ФИЛОСОФИИ ПОЗДНЕГО ВИТГЕНШТЕЙНА

В. В. Оглезнев

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия
Университет Бремена, Бремен, Германия
ogleznev82@mail.ru

Работа выполнена при финансовой поддержке
Совета по грантам Президента РФ, проект № МД-137.2020.6

Проблема лингвистической неопределенности является наиболее обсуждаемой темой современной философии права, суть которой сводится к вопросу: определяют ли юридические правила (правовые нормы) результат судебного решения (или иного правоприменения) в каждом конкретном случае. Представители юридического формализма (и отчасти юридического позитивизма) отвечают на этот вопрос положительно, поскольку считают, что задача судьи состоит в разрешении судебных споров посредством применения непротиворечивых принципов к фактам. Судебное решение, таким образом, трактуется как непротиворечивое применение общепринятых принципов к установленным фактам для получения результата, то есть судебное решение уподобляется дедуктивному умозаключению, где истинность вывода гарантируется истинностью посылок (правовых норм и фактических обстоятельств дела). Напротив, представители юридического антиформализма утверждают, что юридические правила и содержащиеся в них понятия (и право в целом) являются «радикально неопределенными» и прежде всего из-за неопределенности самого языка, в котором они выражены. Антиформалисты, отстаивая позицию лингвистической неопределенности, исходят из того, что если у юридических текстов (как и у слов, которые в них содержатся) нет самостоятельного значения, то применение отдельных положений закона не может быть непосредственно выведено из самого его текста. Их аргумент состоит не столько в том, что некоторые слова являются двусмысленными или нечеткими, а потому мы не можем быть уверенными в их правильном применении, но прежде всего в том, что применение всех слов будет неизбежно неопределенным, только если единицей значения выступают сами эти слова. Они утверждают, что уверенность и определенность в применении слов зависят исключительно от согласия лингвистического сообщества в том, как то или иное слово надо применять. Формалисты для подтверждения своей позиции ссылаются на идеи «позднего» Витгенштейна, в то время как антиформалисты – на интерпретацию Крипке. Но есть философы права, которые ставят под сомнение применимость идей Витгенштейна для решения проблемы неопределенности права, хотя и не отрицают, что некоторые из его идей вполне уместны для анализа проблемы интерпретации права и судебного правоприменения.

Ключевые слова: правило, интерпретация, применение, проблема следования правилу, семантика, правовая норма, юридический язык, Витгенштейн.

INDETERMINACY OF LAW AS A LINGUISTIC PROBLEM IN THE CONTEXT OF WITTGENSTEIN'S LATER PHILOSOPHY

Vitaly V. Ogleznev

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia
University of Bremen, Bremen, Federal Republic of Germany
ogleznev82@mail.ru

The linguistic indeterminacy of law is the most discussed topic of modern legal philosophy, the key issue of which is whether legal rules determine the result of judicial decision in each case. Legal formalists (and partly legal positivists) respond positively to this question, since they believe that the task of a judge is to resolve judicial disputes by applying consistent principles to facts. The judicial decision, therefore, is interpreted as the consistent application of generally accepted principles to established facts, that is, a judicial decision is reduced to a deductive inference where the truth of the conclusion is guaranteed by the truth of the premises (legal norms and facts). On the contrary, legal anti-formalists argue that legal rules and the concepts they contain (and law in general) are “radically indeterminate” and primarily because of the indeterminacy of language in which they are expressed. Anti-formalists, defending the position of linguistic indeterminacy, proceed from the fact that if legal texts (as well as the words that they contain) do not have an independent meaning, then the application of certain provisions of the law cannot be directly derived from its text. Their argument is not that some words are ambiguous or vague, and, therefore, we cannot be sure of their correct application, but that the application of all words will inevitably be indeterminate only if the unit of meaning is words themselves. They argue that certainty and determinacy in use of words depend solely on the agreement of linguistic community on how a particular word should be used. Formalists refer to the ideas of “late” Wittgenstein to confirm their position, while anti-formalists refer to Kripke’s interpretation. But there are legal philosophers who question the applicability of Wittgenstein’s ideas to solve the problem of legal indeterminacy, although they do not deny that some of his ideas are quite appropriate for analyzing the problem of legal interpretation and judicial enforcement.

Keywords: rule, interpretation, application, rule-following argument, semantics, legal norm, legal language, Wittgenstein.

DOI 10.23951/2312-7899-2020-4-137-149

Бурное развитие лингвистической философии первой половины XX века, пожалуй, не оставило не затронутым ни одну область гуманитарного знания. Но особое влияние это философское направление оказало на юридические исследования, вернее, на философско-правовые исследования, заложив тем самым основу для становления и развития аналитической философии права. И связано это было прежде всего с тем, что право стало пониматься как особая языковая деятельность (например, при оглашении завещания или заключении договора), как особый способ употребления языка [Оглезнев 2014, 7]. Осознание особой природы юридического языка, то есть того, что нормы права и юридические правила не существуют вне языка, позволило иначе взглянуть на характер юридической практики. А для этого потребовалось очертить специфику и область юридических действий и, как минимум, отличить их от других типов социального действия. Возможно, поэтому некоторые из идей «Философских исследований» Л. Витгенштейна, особенно проблема следования правилу и сама идея правилосообразной деятельности, не могли обойти стороной современную философию и теорию права.

Однако отношение к идеям «позднего» Витгенштейна в юридических исследованиях оказалось весьма неоднозначным, что непосредственно отразилось на вариативности как трактовок его идей, так и их оценок – от апологетических до радикально скептических. С одной стороны, идеи позднего Витгенштейна, действительно, стали очень популярными в философии права и превратились в самостоятельный предмет исследования. Но, с другой стороны, они часто применялись не надлежащим образом – неправильно истолковывались и некорректно заимствовались. Как верно подметил Б. Бикс, «<...> причиной недовольства, связанной с обсуждением в юридической литературе известных аналитических мыслителей, является тенденция ссылаться на их имена для большей убедительности, то есть в качестве утверждения, на которое нечего возразить. <...> Здесь мы имеем дело с учеными, которые “прячутся” за именами великих философов, как будто уже одного упоминания имен Витгенштейна, Канта или Фомы Аквинского достаточно для того, чтобы успокоить всех критиков» [Бикс 2013, 213]. И с этим сложно не согласиться. Но несмотря на неоднозначность оценок, интерес к идеям «позднего» Витгенштейна обнаруживается в контексте такой важной для права лингвистической проблемы, как неопределенность.

Проблема неопределенности была и остается наиболее обсуждаемой темой философии права XX и XXI веков [Оглезнев, Суровцев

2015, 179–180], суть которой сводится к вопросу: определяют ли юридические правила (правовые нормы) результат судебного решения (или иного правоприменения) в каждом конкретном случае. Представители юридического формализма (и отчасти юридического позитивизма) отвечают на этот вопрос положительно, поскольку считают, что задача судьи состоит в разрешении судебных споров посредством применения непротиворечивых принципов к фактам. Судебное решение, таким образом, трактуется как непротиворечивое применение общепринятых принципов к установленным фактам для получения результата, то есть судебное решение уподобляется дедуктивному умозаключению, где истинность вывода гарантируется истинностью посылок (правовых норм и фактических обстоятельств дела).

Представители юридического антиформализма, в который включаются такие философско-правовые направления, как юридический инструментализм, правовой реализм, критические правовые исследования и др., напротив, утверждают, что юридические правила и содержащиеся в них понятия (и право в целом) являются «радикально неопределенными» и прежде всего из-за неопределенности самого языка, в котором они выражены. Антиформалисты, отстаивая позицию лингвистической неопределенности, исходят из того, что если у юридических текстов (как и у слов, которые в них содержатся) нет самостоятельного значения, то применение отдельных положений закона не может быть непосредственно выведено из самого его текста. Их аргумент состоит не столько в том, что некоторые слова являются двусмысленными или нечеткими, а потому мы не можем быть уверенными в их правильном применении, но прежде всего в том, что применение всех слов будет неизбежно неопределенным, только если единицей значения выступают сами эти слова. Они утверждают, что уверенность и определенность в применении слов зависят исключительно от согласия лингвистического сообщества в том, как то или иное слово надо применять. То есть не сами слова обуславливают свое применение, но позиция читателя в том, как их надо применять. Следовательно, не сами законы, но позиции судей обуславливают их применение. Неудивительно, что интерпретация идей Витгенштейна, предложенная С. Крипке [Крипке 2010], оказалась вполне подходящей для подтверждения и обоснования антиформалистской позиции: если суждения о правильности и неправильности следования правилу или употребления слова основаны (или могут быть основаны только) на согласии лингвистического сообщества, то правильным будет

только то употребление (следование), которое согласуется с тем, как это делает большинство его членов [Vix 1990, 108]. Таким сообществом как раз и выступает юридическое сообщество и, прежде всего, сообщество судей: «Когда судья принимает решение, он опирается не на формальное следование юридическому правилу, которое неопределенно по содержанию и содержит пробелы, а на существующие социальные практики применения таких правил, а также на иные социальные факторы, формирующие контекст принятия судебного решения (нормы морали, идеологии, профессиональные стандарты и т. п.)» [Дидикин 2015а, 68]. Такой подход исходит из того, что в основании применения слов лежит общее согласие в отношении его применения, и именно это согласие стабилизирует язык, который мы используем в повседневной жизни. Иначе говоря, если мое применение слова согласуется с позицией других членов интерпретирующего сообщества, то мое применение является в некотором смысле правильным и оправданным. Точка зрения сообщества становится, таким образом, внетекстуальным критерием правильного применения, а значение слова определяется не самим текстом, а тем, как большинство членов сообщества склонны его употреблять [Zapf, Moglen 1996, 495].

Но были и те, кто выступил резко против такого «непосредственного применения» идей Витгенштейна для решения проблемы правовой неопределенности. Например, современный американский философ права Б. Бикс утверждает, что этого нельзя делать просто потому, что идеи Витгенштейна не имеют прямого отношения к философии права и юридической интерпретации. Кроме того, сама идея применения к праву проблемы следования правилу, по мнению Бикса, выглядит весьма странной и прежде всего потому, что, несмотря на сходства, «правила», используемые Витгенштейном, сильно отличаются от «правил» в теории права и юридической практике [Vix 1993, 51]. Действительно, о каких правилах идет речь, когда обсуждается применение идей «Философских исследований» в теории права? Когда правоведы говорят о юридических правилах, моральные философы о правилах морали, социологи о различных типах социальных правил, лингвисты о правилах языка, логики о правилах логики и так далее, имеют ли они в виду одно и то же? Или же юридические правила, правила языка, правила морали и правила логики обладают уникальными и только им свойственными признаками? Или же эти правила обладают лишь «семейным сходством»? Или же слово «правило», будучи двусмысленным, обозначает совершенно разные вещи в каждом из указанных контекстов?

Все ли правила имеют одинаковые функции и структуру? Очевидно, что идея правила имеет первостепенное значение как для юриспруденции, так и для лингвистики, моральной философии и логики. Без внятной теории правила здесь невозможно ни получение достоверных результатов, ни рациональное обоснование выдвигаемых аргументов, ни построение законченного рассуждения.

Конечно, Витгенштейна интересовали прежде всего грамматические правила дескриптивного языка и достижение согласия по поводу их использования и применения. Но из этого непосредственно не следует (хотя, например, Д. Паттерсон считает иначе [Patterson 1994, 1845–1846]), что юридическая интерпретация зависит от лингвистического понимания правил, напротив, ее цель – устранить несогласие в правоприменении [Дидикин 2015б, 84]. Схожей критической позиции, что от идей Витгенштейна для философии права, а тем более для юридической интерпретации мало толку, придерживается С. Гершовиц: «Мы не узнаем ничего нового о юридических правилах или юридической интерпретации, если воспользуемся идеями Витгенштейна, потому что предметом его размышлений были совершенно иные явления» [Hershowitz 2002, 640]. Ф. Шауэр, другой американский философ права, также считает, что современные правоведы неправильно поняли идеи Витгенштейна (в том числе и проблему следования правилу) и как результат неправильно их применили для обоснования своих философско-правовых теорий. По его мнению, речь идет о двух «вопиющих ошибках» [Schauer 1990, 187]. Во-первых, скептическая интерпретация проблемы «следования правилу» привела к ошибочному выводу, что если ограничение посредством правила иллюзорно, то и ограничение посредством юридического правила также иллюзорно. Во-вторых, ошибочное утверждение, что значение, включая значение правила и составляющих его терминов, является исключительно функцией конкретного контекста, в котором применяется язык правила. А это приводит к тому, что становится возможным при помощи совершенно неправдоподобной теории значения вполне правдоподобно обосновать, например, расширение судебных полномочий [Schauer 1990, 188]. Кроме того, против точки зрения интерпретирующего юридического сообщества можно выдвинуть, как минимум, два аргумента. Во-первых, она ничего не говорит о ситуациях, когда в отношении применения слов согласие еще не достигнуто или вообще достигнуто быть не может; и, во-вторых, ссылка на согласие сообщества в отношении применения слов сама по себе является правилом применения этих слов [Zapf, Moglen 1996, 497].

Действительно, всякий раз, когда речь заходит о возможности применения аналитического инструментария одной области в другой, возникает вопрос относительно эффективности и обоснованности такого решения. Часто в подобных попытках не учитывается специфика этой другой области, что приводит к расширению и неадекватному использованию переносимой идеи. Ведь нет никаких гарантий того, что вместе с переносом идеи будет перенесена и ее эффективность. Однако если заимствуется не вся теория целиком, но лишь отдельные ее элементы, то это вполне может быть оправданным. Так, если проблема следования правилу Витгенштейна «непосредственно не применима» в праве (с точки зрения указанных выше позиций), то идея о том, что понимание правила не может быть осуществлено независимо от его применения, получила интересное развитие в теории интерпретации (толкования) права [Skoczen 2016, 617–618].

Проблема уяснения и разъяснения содержания нормативного предписания (то, что юристы понимают под толкованием права) в контексте взглядов «позднего» Витгенштейна получила в современных философско-правовых исследованиях как бы вторую жизнь. Как метко выразился Д. Паттерсон, один из ярых сторонников важности идей Витгенштейна для теории права, «подход Витгенштейна к интерпретации – это самый важный урок, который усвоила юриспруденция <...>. Сложно найти философа, идеи которого были бы так актуальны для проблем и проектов современной теории права» [Patterson 2004, XII]. И связано это было прежде всего вот с чем. Необходимость интерпретации в праве возникает в процессе правоприменения (вернее, до непосредственного применения нормы права), когда правоприменитель не может по тем или иным причинам установить объем и содержание используемых законодателем понятий и терминов. Но он должен каким-то образом это сделать, чтобы принять решение по рассматриваемому делу. Такие ситуации в западной (прежде всего, англоязычной) юридической литературе получили название «сложных случаев», или непростых судебных дел (*hard cases*), когда нет единственного правильного ответа на вопрос о применимости нормы права или правила поведения. Например, применение правила «Использование средств передвижения в парке запрещено» (*No vehicles in the park*) зависит от того, является ли с точки зрения данного правила определенная вещь «средством передвижения» или определенная местность «парком». В ясных случаях (*clear cases*), напротив, «общее правило не нуждается в интерпретации, <...> признание примеров выглядит

беспроblemным (или автоматическим), <...> и существует общее согласие в суждении относительно применимости классифицирующих терминов» [Харт 2007, 130]. Причинами появления «сложных случаев» могут быть как неясность, двусмысленность или неопределенность правовых понятий и терминов, так и нарушение законодателем логических или лингвистических правил при формулировании правовых норм. Но как противостоять этим негативным для права явлениям? Как правоприменителю, с одной стороны, понять или установить значение терминов, используемых законодателем, а с другой стороны, понять, правильно ли он распознал намерение законодателя? Одни философы права рекомендовали в таких ситуациях придерживаться контекстуалистского подхода, другие – конвенционалистского, третьи – интуиционистского и т. д.

Важно заметить, что судья или иной правоприменитель может прибегнуть к творческой интерпретации содержания правовых норм (или правил) только при рассмотрении сложных случаев. Этот вывод был подробно изложен и обоснован Г. Л. А. Хартом в его «Понятии права» [Харт 2007], и как методологическая установка он в целом не вызывает сомнений. Основная дискуссия в современной юридической литературе развернулась вокруг проблемы «простых» случаев, вернее, вокруг того, что делает «простые» случаи простыми. Вот почему современные философы права, столкнувшись с проблемой неопределенности, обратили свое внимание на анализ простых случаев Витгенштейна. Мнения, как говорится, разделились. Например, Бикс занимает в этой дискуссии скептическую позицию. Он считает, что в праве нет никаких простых случаев (в смысле Витгенштейна), потому что случаи, которые кажутся простыми, на самом деле таковыми не являются. Например, ситуация нахождения в парке полицейского автомобиля, который, с одной стороны, определенно является средством передвижения, а значит, он подпадает под действие правила «Использование средств передвижения в парке запрещено», но, с другой стороны, рассматривается как специальное средство передвижения, не подпадающее под это правило. Но ведь неясно, подразумевал ли законодатель это исключение или же нет. Поэтому Бикс выступает против использования анализа простых случаев Витгенштейна (продолжение простого математического ряда или применение цветовых понятий) для анализа простых случаев в праве: «Ведь даже если допустить, что анализ Витгенштейна оправдан там, где он его использовал, то нет никаких оснований полагать, что этот анализ будет оправдан в совершенно другом контексте (есть некоторые основания полагать, что он

вообще *не* будет оправдан)» [Vix 1993, 48]. Хотя рассуждения Витгенштейна о правилах позволяют нам лучше понять простые случаи следования правилу, они ничего не говорят о простых случаях в праве. Схожей позиции в вопросе различения простых и сложных случаев придерживается современный немецкий философ права Р. Пошер, что «случаи, когда намерение законодателя отличается от семантического значения использованных им терминов, никак не могут быть простыми» [Poscher 2015, 288]. Как и Бикс, он считает, что случаи применения юридического правила, которые кажутся простыми, так же как и сложные случаи, нуждаются в интерпретации [Poscher 2015, 285]. Для этого он в отличие от Бикса предлагает все-таки воспользоваться некоторыми идеями Витгенштейна.

Подход Пошера как раз и является тем примером, когда заимствование одной или нескольких идей Витгенштейна, а также их умеренная интерпретация могут привести к весьма интересным и плодотворным результатам. Основная его идея состоит в том, что судебное правоприменение следует рассматривать как деятельность, состоящую из двух последовательных этапов: 1) коммуникативная интерпретация высказываний (текста законов) в духе П. Грайса и 2) собственно применение правила, где правило понимается как содержание коммуникативного намерения, а его применение – как идея следования правилу Витгенштейна [Poscher 2015, 291]. Рассмотрим оба этапа.

Пошер пришел к выводу, что идея Грайса, что для установления значения говорящего надо проинтерпретировать высказывание с точки зрения значения его намерения, а для этого надо установить значение высказывания или семантическое значение терминов, используемых в этом высказывании [Grice 1991; Грайс 2010], можно адаптировать к судебному правоприменению. Действительно, если намерения законодателя отличаются от семантического значения текста закона, им же принятого, то коммуникативная интерпретация может оказаться вполне перспективной. Ведь даже в «простых случаях» надо всякий раз пытаться установить намерение законодателя, чтобы понять, действительно ли случай является простым. Но сделать это не так просто. Всегда есть вероятность прийти к ошибочному заключению. Дело в том, что при рассмотрении простых случаев правоприменитель, как правило, не располагает какой-то дополнительной информацией для обоснования своего возможного решения кроме семантического значения законодательного текста и некоторых знаний об обычном (стандартном) контексте применения положений закона. Он может лишь сделать вывод, что

такое-то намерение законодателя соответствует контекстуально обусловленному семантическому значению такого-то положения закона. Но даже в таких ситуациях нет никаких гарантий, что правоприменитель правильно понял (распознал, установил) намерение законодателя. Например, в случае применения правила «Использование средств передвижения в парке запрещено» непонятно, предусматривал ли законодатель, что в объем понятия «средство передвижения» должны включаться роликовые коньки или инвалидные коляски, или же он это подразумевал. Решить подобного рода проблемы можно путем соотнесения семантического значения термина с семантическими правилами его употребления. Применение закона в таком случае будет сводиться к простой двухэтапной процедуре следования правилу: на первом этапе для формулировки юридического правила необходимо следовать лингвистическим (семантическим и синтаксическим) правилам языка, что позволяет рассматривать юридическое правило как содержание высказывания; на втором этапе – следовать сформулированному таким образом правилу в его применении [Poscher 2015, 287].

Витгенштейн, в отличие от Грайса, не рассматривал ни того, что говорящий подразумевает, ни контекст его высказывания. Также его не интересовали природа и характер применения юридических правил. Основным предметом его «поздних» исследований было то, как правило связано с применением, а не то, как высказывание связано со значением. Когда Витгенштейн говорил об интерпретации, он имел в виду только то, что «“интерпретацией” следовало бы назвать лишь замену одного выражения правила другим» [Витгенштейн 1994, 163]. Конечно, замена одного высказывания, которое говорящий использовал для выражения своего намерения, другим может способствовать лучшему пониманию его намерения. Но понимаемая таким образом интерпретация не может объяснить отношение между правилом и его применением, поскольку для понимания этой интерпретации потребуется другая интерпретация и т. д., что приведет к бесконечному регрессу. Пошер, развивая эту идею Витгенштейна, пришел к выводу, что применительно к вопросам правоприменения «наша способность понимать правило через возможность его переформулирования» [Poscher 2015, 289] (или «замены одного выражения правила другим») имеет особое значение. Наше понимание правила подтверждается не интерпретациями формулировок правила, но их применением в различных практиках, составляющих нашу форму жизни. Но поскольку способность переформулировать правило является лишь одним и даже

не самым важным аспектом понимания правила, она не может объяснить сложность и многообразие различных социальных действий. Следовательно, заключает Пошер, понимание правила неразрывно связано со знанием того, как его применять в стандартных ситуациях. И именно эта способность является главной составляющей понимания в смысле Витгенштейна.

Коммуникативная интерпретация и следование правилу, где правило понимается как условное содержание высказывания [Poscher 2015, 290], могут удачно, по мнению Пошера, экстраполироваться на судебное правоприменение: на интерпретацию и понимание юридических правил, соответственно. Во-первых, тексты законов, как и любые другие тексты, должны интерпретироваться таким образом, чтобы стало возможным вывести из высказывания и контекста его употребления соответствующие коммуникативные намерения. Юридические правила, как и другие правила, являются лишь одним из возможных вариантов содержания коммуникативных намерений (наряду с утверждениями, вопросами, требованиями, просьбами и т. д.). Во-вторых, только после того, как установлено, что конкретное юридическое правило является содержанием соответствующего коммуникативного намерения и что юридическое правило как коммуникативное намерение связано с юридическим высказыванием, оно может применяться к рассматриваемым случаям. Таким образом, применению правила (в духе Витгенштейна) предшествует коммуникативная интерпретация (в духе Грайса).

Так чем же объясняется интерес современных философов права к «Философским исследованиям» Витгенштейна? Одна из возможных причин повышенного внимания к творчеству Витгенштейна состоит в том, что с помощью некоторых его идей получилось обосновать отдельные положения определенных философско-правовых теорий (и прежде всего антиформалистских). Для тех правоведов, кто оспаривает легитимность модели верховенства права, скептическое прочтение «Философских исследований» оказалось полезным в том смысле, что оно подрывает убеждение, что уникальный ответ в каждом спорном случае может быть непосредственно выведен из применения общего правила. Суть аргумента скептика такова, что если правильное употребление слов в будущем не может быть выведено из нынешнего правила их применения, то и юридические правила, в которых такие слова содержатся, вряд ли могут эту ситуацию исправить. Скептическое прочтение Витгенштейна оказалось очень привлекательным, потому что лингвистическая стабильность значения правовых понятий, с точки зрения интерпретирующего

сообщества, как раз и происходит из этого скептицизма. Законность судебных решений должна обосновываться не ссылками на положения закона или прецедента, но предполагаемым моральным согласием в отношении результатов рассмотрения каждого конкретного дела. Но несмотря на политическую привлекательность этого вывода (повышение политической роли судей), насколько он оправдан и оправдано ли скептическое прочтение Витгенштейна, на котором этот вывод основан? Ведь это открывает широкий простор для всевозможных спекуляций: любое судебное решение можно обосновать ссылкой на моральное согласие большинства членов лингвистического сообщества, и в то же время моральное согласие сообщества позволяет обосновать расширение судебных полномочий. Витгенштейн, вероятно, не согласился бы с такой интерпретацией своих идей, поскольку его задача была, напротив, избавиться лингвистические правила от неопределенности: когда мы следуем лингвистическому правилу, нам не надо доказывать или обосновывать его применение (знать правило – значит знать его применение). Но юридическим правилам, в отличие от лингвистических, нельзя «следовать слепо». Правоприменение – это разумная, рефлексивная деятельность, участники которой рассматривают и обсуждают варианты своего поведения [Віх 1990, 115]. И это, действительно, имеет мало общего с обсуждением Витгенштейна, как правила определяют наши действия. Получается, что Б. Бикс был прав: «Использовать анализ Витгенштейна небрежно и вне контекста – значит вероломно прикрываться его авторитетом, не понимать проблем, которые его волновали, и не пытаться взять на себя ответственность за расширение области применения его анализа» [Віх 1993, 48].

БИБЛИОГРАФИЯ

- Бикс 2013 – Бикс Б. О философии в американском праве: аналитическая философия права // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2013. № 2 (22). С. 211–218.
- Витгенштейн 1994 – Витгенштейн Л. Философские исследования / Философские работы. Ч. I. М., 1994. С. 75–320.
- Грайс 2010 – Грайс Г. П. Значение говорящего, значение предложения и значение слова / Философия языка. Изд. 2-е. М., 2010. С. 75–98.
- Дидикин 2015а – Дидикин А. Б. Следование правилу и юридический язык: аргументы реализма и антиреализма // Известия

- Уральского федерального университета. Серия 3: Общественные науки. 2015. № 4 (164). С. 66–72.
- Дидикин 2015б – Дидикин А. Б. Интерпретация проблемы следования правилу в аналитической философии права // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2015. № 2 (30). С. 83–88.
- Крипке 2010 – Крипке С. Витгенштейн о правилах и индивидуальном языке. М., 2010.
- Оглезнев 2014 – Оглезнев В. В. Юридический язык и аналитическая философия права // Философия права. 2014. № 3 (64). С. 7–10.
- Оглезнев, Суровцев 2015 – Оглезнев В. В., Суровцев В. А. Аналитическая философия права: юридический язык как предмет исследования // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2015. № 5 (322). С. 178–193.
- Харт 2007 – Харт Г. Л. А. Понятие права. СПб.: Изд-во С.-Пб. ун-та, 2007.
- Bix 1990 – Bix B. The application (and mis-application) of Wittgenstein's rule-following considerations to legal theory. *Canadian Journal of Law and Jurisprudence*. 1990. 2. P. 107–121.
- Bix 1993 – Bix B. Law, language, and legal determinacy. Oxford, 1993.
- Grice 1991 – Grice P. Studies in the way of words. Harvard, 1991.
- Hershowitz 2002 – Hershowitz S. Wittgenstein on rules: the phantom menace. *Oxford Journal of Legal Studies*. 2002. 4 (22). P. 619–640.
- Kripke 2010 – Kripke S. Wittgenstein on rules and private language. Transl. into Russian. Moscow, 2010.
- Patterson 1994 – Patterson D. Wittgenstein and constitutional theory. *Texas Law Review*. 1994. 72. P. 1837–1856.
- Patterson 2004 – Patterson D. Introduction. In *Wittgenstein and Law*. Aldershot, 2004. P. XI–XII.
- Poscher 2015 – Poscher R. Interpretation and rule following in law: the complexity of easy cases. In *Problems of Normativity, Rules and Rule-Following*. Springer, 2015. P. 281–293.
- Schauer 1990 – Schauer F. Rules and the rule-following argument. *Canadian Journal of Law and Jurisprudence*. 1990. 2. P. 187–192.
- Skoczeń 2016 – Skoczeń I. Minimal semantics and legal interpretation. *International Journal for the Semiotics of Law*. 2016. 29. P. 615–633.
- Zapf, Moglen 1996 – Zapf C., Moglen E. Linguistic indeterminacy and the rule of law: on the perils of misunderstanding Wittgenstein. *The Georgetown Law Journal*. 1996. 3 (84). P. 485–520.

Материал поступил в редакцию 01.02.2020

Материал поступил в редакцию после рецензирования 14.08.2020